

гое чувство. Что сказали бы мы о наблюдателѣ, который, задавшись мыслью опредѣлить нравственное вліяніе университета, сталъ бы строить свои сужденія на міросозерцаіи нѣсколькихъ студентовъ, наудачу выхваченныхъ изъ массы? А между тѣмъ, таковъ путь, услужливо рекомендуемый тенденціозными противниками высшихъ женскихъ курсовъ. Подмѣнивъ общій вопросъ о значеніи учрежденія частнымъ вопросомъ о благонадежности нѣсколькихъ лицъ, къ нему прикосновенныхъ, подставивъ на мѣсто широкаго изслѣдованія узкій полицейскій розыскъ, можно придти къ какимъ угодно результатамъ — только не къ истинѣ.

Въ реакціонныхъ журналахъ и газетахъ давно уже отсутствуетъ почти совершенно критическій отдѣлъ. Литературные взгляды этого лагеря приходится искать преимущественно въ театральнѣ хроникѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, т.-е. въ такомъ источникѣ, изъ котораго можно почерпнуть лишь весьма немногое. Сужденія объ игрѣ актеровъ, о разныхъ сторонахъ сценической техники оставляютъ мало мѣста для оцѣнки драматическихъ произведеній, образующихъ, притомъ, только небольшой и сравнительно неважный уголокъ нашей текущей литературы. Тѣмъ не менѣе, намъ случилось найти и здѣсь нѣсколько перловъ, заставляющихъ жалѣть объ обычномъ молчаніи консервативной критики.

Перль № 1-й: рѣчь идетъ о постановкѣ въ московскомъ „народномъ“ театрѣ „народной пѣсни въ лицахъ“, г. Чаева: „Грозный царь Иванъ Васильевичъ“. Хроникеръ находитъ, что этой пьесѣ не мѣсто на сценѣ народнаго театра. „И знаете, почему?“ — спрашиваетъ онъ. „Потому, что съ фигурой Грознаго нужно обращаться очень осторожно, выводя ее на сцену передъ народомъ. Образъ каждаго русскаго царя долженъ, появляясь на сценѣ, являться образомъ свѣтлымъ, быть яркимъ выразителемъ и носителемъ тѣхъ или другихъ нравственныхъ качествъ. Это — простая справедливость; съ одной стороны, справедливость историческаго синтеза по отношенію къ русскимъ государямъ той эпохи, въ предѣлахъ которой, по существующимъ цензурнымъ правиламъ, разрѣшено выводить на театрѣ вѣнчанныхъ русскихъ особъ. Съ другой стороны — справедливость по отношенію къ народному чувству, для котораго царь является носителемъ и осуществителемъ нравственнаго и государственнаго идеала русскаго народа. Народная гордость и народная любовь требуютъ, чтобы русскій царь, въ своемъ сценическомъ воплощеніи, являлся передъ народомъ не иначе, какъ въ свѣтломъ ореолѣ мудрости и справедливости“. Осторожность, доходящая до извращенія или сокрытія исторической истины, бываетъ иногда, къ несчастью, руководящимъ началомъ театральной цензуры; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы ее можно было